

шолтба

М.А.Краснов

ОТЕЦ НЕБЕСНЫЙ И «ОТЦЫ НАЦИИ»

Ключевые слова: отец нации, отец отечества, авторитарный лидер, харизматический лидер, вождь, монарх, психология масс

¹ См. Краснов 2015.

Должен предупредить читателя: настоящая статья написана в развитие более ранней моей работы¹, посвященной процессу, который я назвал «монархизацией» президента. При этом я исходил из того, что, поскольку институт президента стал историческим *заменителем* института монарха, это обуславливает сложный психологический и политический комплекс. Хуан Линц указал только на один из его элементов — «миссионерство»: «Убежденность президента в том, что он обладает независимой властью и пользуется поддержкой народа, может создавать у него ощущение собственной силы и миссии, даже если количество проголосовавших за него в совокупности невелико»². Но Линц, видимо, был романтиком, ибо в действительности «миссионерство» по большей части лишь прикрывает вульгарное желание максимально продлить пребывание у власти. Разумеется, президенту трудно стать «миссионером», если этому препятствуют дизайн институтов и сильное гражданское общество. Однако пытаться он будет.

² Линц 2006: 217.

С точки зрения Ильи Шаблинского, «харизматики наиболее наглядно демонстрируют лидерские качества. В силу самой природы своего лидерства они выходят на политическую сцену обычно вопреки сложившимся политическим правилам — династическим традициям либо (в последнее столетие) демократическим нормам. Они взламывают политический порядок, сложившийся до них, иногда мотивируя это необходимостью защиты определенных ценностей, иногда ничем не мотивируя»³. Жизнь показывает, что это не совсем так.

³ Шаблинский 2012: 61.

Во-первых, авторитарный лидер сегодня не обязательно «взламывает политический порядок». Чаще можно наблюдать, так сказать, инфильтрацию в существующий порядок. В том-то и состоит особенность современного авторитаризма, что автократ не только стремится выглядеть легитимным правителем, а не узурпатором, но и вполне может добиться своих целей формально законными методами.

Во-вторых, не только при «взломе», но и при «инфильтрации» лидер нуждается в *легитимации*. А этого нельзя достигнуть без деклараций о защите определенных ценностей. В свою очередь, такие декларации играют сугубо вспомогательную роль, так как легитимировать (или «легитимировать» в кавычках?) режим личной власти можно лишь с помощью репрезентации президента в качестве *отца нации*.

Далее я собираюсь затронуть вопросы, далеко выходящие за круг моих знаний, и потому должен принести свои извинения историкам,

психологам, политологам, филологам за непрофессиональное вторжение в их сферы. Примером тут для меня является Эрнст Канторович, извинившийся перед юристами, которые, по его мнению, «несомненно, обнаружат множество упущений в его изложении, хотя и сам автор отдает себе отчет в ряде наиболее вероятных недочетов: в перегруженности цитатами, с одной стороны, и в отсутствии ряда важных моментов — с другой. Но таков риск, которому подвергает себя каждый профан; он должен заплатить штраф за вторжение в область смежной дисциплины»⁴.

⁴ Канторович 2015: 65.

Почему «отец»?

Почему именно о таком способе легитимации я собираюсь говорить? Ведь мне обоснованно возражат, что авторитарные лидеры далеко не всегда апеллируют к «отцовству». Адольфа Гитлера, например, называли вождем (Führer), и в нацистской пропаганде не применялось слово «отец». Да и сегодня чаще всего встречаются официальные и неофициальные обозначения, близкие к понятию «вождь». Так, Сапармурату Ниязову в Туркменистане официально было присвоено звание (титул) «туркменбаши» (глава туркмен), Нурсултану Назарбаеву в Казахстане — «елбасы» (глава народа), Эмомали Рахмону в Таджикистане — «основатель мира и национального единства — лидер нации». Правда, к белорусскому президенту Александру Лукашенко приклеилось как раз неофициальное (пока?) имя «батька».

Словенский философ Младен Долар так объясняет причины того, почему в нацистском дискурсе отсутствовали отсылки к «национальному отцовству»: «Ключевой вопрос для понимания фашизма — является ли Гитлер фигурой отцовского авторитета в традиционном смысле. Я думаю, что здесь ответ несомненный: он никакая не фигура отцовского авторитета. На самом деле фигура отцовского авторитета рушится с наступлением времени модерна. Если воспользоваться инструментами Фрейда, то можно понять, что Гитлер представляет как раз другой тип авторитета, который возникает на месте исчезнувшего традиционного отца и который я бы назвал перверсивным авторитетом. Это парадоксальная реакция в рамках супер-Эго. Как действует эта инстанция, этот перверсивный авторитет? Он действует в двух направлениях: с одной стороны, он требует стопроцентного подчинения, это вроде бы авторитарный отец, а с другой стороны, он награждает это подчинение и согласие тем, что предлагает сыновьям некоторую добычу в обмен на их свободу в рамках незаконных действий. Настоящий отец так не действует. Это такой авторитет, который действует над законом, помимо закона, презирует закон»⁵.

⁵ Маркс 2014.

Но тогда почему в другом тоталитарном государстве диктатор — Иосиф Сталин — полуофициально именовался «отцом народа (народов)», что, впрочем, не мешало пропаганде использовать и такие эпитеты, как «вождь» и «учитель»? Видимо, дело тут не в сложных психологических конструкциях, а в интуитивном желании/нежелании (возможно,

даже капризе) авторитарного лидера позиционировать себя в качестве «отца нации». Но даже если это не так, в любом случае можно обнаружить апелляцию именно к идее «отцовства». И верно замечает Шаблинский: «Для харизматиков рассматриваемого типа характерен патерналистский подход к отношениям между государством и обществом. Харизматический лидер стремится обычно выступать в качестве „отца нации“, правомочного карать и оказывать милости»⁶.

⁶ Шаблинский 2012: 70.

Впрочем, «национальное отцовство» не всегда было связано с необходимостью легитимировать неограниченную власть. Так, император Август, которого Гай Светоний Транквилл описывает как любимого народом властителя, первым из римских цезарей (императоров периода принципата) получил имя «отца отечества»⁷. Сходным образом первый президент США Джордж Вашингтон еще при жизни был неофициально награжден эпитетом «отец нации»⁸, и потом, много лет спустя, некоторые американские президенты (например, Закари Тейлор, Франклин Пирс и Джеймс Бьюкенен) именно так и называли его⁹. «Отецская» слава отчасти досталась и соратникам Вашингтона, по сей день именуемым «отцами-основателями». А первому президенту Турции Гази Мустафе Кемаль-паше титул «Ататюрк», то есть «отец турок», парламент в 1934 г. присвоил официально. Хотя в данном случае я веду речь не о монархах¹⁰, которым «отцовство» как бы имманентно, о чем будет сказано чуть ниже, в этот ряд можно поставить и французского короля Людовика XII (1498—1515), при котором «явились полезные преобразования относительно судов, относительно монеты, и все эти заботы верховной власти об улучшении быта подданных доставили Людовику славное прозвание отца народа»¹¹. То есть это примеры *общественного признания заслуг* (неважно, мнимых или реальных) правителей.

⁷ См. Светоний 1990: 61.

⁸ См. Иवानян (ред.) 2001: 41.

⁹ Там же: 181, 187, 202.

¹⁰ Римские императоры эпохи принципата, равно как византийские, или затем наполеониды не были в полном смысле монархами. Потому и не смогли создать долговечных династий.

¹¹ Соловьев б.г.

Согласно Светонию, звание отца отечества «было поднесено» Августу «всем народом внезапно и единодушно. Первыми это сделали плебеи, отправив посольство в Анций, а после его отказа — приветствуя его в Риме при входе в театр огромной толпой в лавровых венках; вслед за ними и сенат высказал свою волю, но не в декрете и не общим криком, а в выступлении Валерия Мессалы»¹². Это уже потом присвоение такого титула приобрело формальный смысл, став своего рода приложением к должности.

¹² См. Светоний 1990: 61.

¹³ Бергер 2014: 101.

Надо, однако, сразу сказать, что «отцовство» монарха и авторитарного правителя — два разных феномена. Для монарха «отцовство» органично, оно презюмируется, а не навязывается. Благодаря сакральной легитимации монарх рассматривается «на всем пути как отец нации, дарованный ей Богом, чья власть восходит, соответственно, к божественной»¹³. А главное, его «отцовство» служит не оправданию его власти, но, напротив, обременяет, предполагая «отцовскую» ответственность за страну и подданных перед Богом¹⁴.

¹⁴ У Дмитрия Мережковского в романе «Антихрист» царь Петр, мучающийся раздумьями, казнить ли ему сына Алексея, восклицает: «Да падет сия кровь на меня, на меня одного! Казни меня, Боже, — помилуй Россию!» (Мережковский 1993: 291).

«Древний монарх, — отмечал один из основателей евразийства Николай Алексеев, — был „отцом“ своих подданных, и известное словосочетание „царь-батюшка“ вовсе не изобретено русскими. Оно характерно

для всех восточных монархий и иногда прямо применялось древними народами: фараон именовался отцом своих подданных, а последние были его детьми»¹⁵.

¹⁵ Алексеев 2003: 51—52.

Существуют разные объяснения, почему с древнейших времен появилась традиция отождествления монарха с отцом. Но начну с изложения своей позиции. Сознаю, что она может показаться ненаучной, ибо недоказуема (хотя доказуемость и других объяснений весьма сомнительна).

Божественное отцовство

В христианской догматике различаются акты Божественного рождения и творения. Первое относится только к Иисусу Христу — Сыну Божьему, рожденному, как сказано в Символе веры, «прежде всех век». Человек же был *сотворен*: физически и духовно.

¹⁶ Быт. 2:7.

NB! «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою»¹⁶. Апостол Павел различал понятия духовного и душевного: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно»¹⁷. Но, говоря о духовном сотворении, я имею в виду человека, не познавшего греха.

¹⁷ 1 Кор. 2: 14.

Однако акт творения, а не рождения не отменяет факт *Божественного отцовства*.

¹⁸ Быт. 1:26.

Бог не случайно сказал: «сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему»¹⁸: творя человека, Он создавал отнюдь не игрушку для Себя. Собственно, это Богу и не нужно, ибо Он всемогущ. Св. Иоанн Дамаскин делал из этого вывод: «Если человек сотворен по образу блаженного и пресущественного Божества, а Божество свободно и имеет волю по естеству, то и человек, как образ Божества, свободен по естеству и имеет волю»¹⁹. А св. авва Дорофей еще и разграничивал образ и подобие: «Сказано: по образу, поелику Бог сотворил душу бессмертною и самовластною, а по подобию — относится к добродетели»²⁰.

¹⁹ Цит. по: Православно-догматическое богословие 1868: 132.

²⁰ Преподобного отца 2008: 155.

Выскажу, наверно, крамольную для моих единомышленников из либерального лагеря мысль: патернализм — часть социальной природы человека. Но только с одной поправкой: патернализм *Небесный*. У Мережковского в его «Антихристе» подьячий Докукин замечает: «Повелено человеку от Бога самовластну быть»²¹. В этой самовластности и есть одно из главных отличий Небесного патернализма от земного: Бог, как уже говорилось, не желает видеть в Своем творении марионетку. Он дает ему полную свободу воли. Разумеется, оставляя за Собой (в лице Иисуса Христа) суд. Другими словами, в акте творения Бог передает человеку частицу Своего Божественного достоинства. Ту искру, которая отсутствует у биоробота или андроида, какими бы интеллектуально и даже эмоционально развитыми они ни были.

²¹ Мережковский 1993: 7.

²² См., напр. Преамбулу и ст. 1 Всеобщей декларации прав человека ООН (Всеобщая декларация 1948).

**«Социальное
отцовство»
как аналог
биологического**

Однако идея Небесного отцовства и связанного с ним имманентного человеческого достоинства надолго была забыта — точнее, *забита* деспотизмом, рабством, сословностью, социальной дискриминацией. И когда ценность человеческого достоинства была официально признана международным сообществом²², это было преподнесено и воспринято исключительно как продукт гуманитарного прогресса. Тем более что и сам факт Божественного творения вследствие общей духовной энтропии стал восприниматься большинством человечества лишь как один из мифов.

Даже христианские философы в своих объяснениях «отцовства» монарха апеллировали не к Небесному, а к земному отцу семьи *патриархального* типа. Такой тип семьи отчасти сохранялся вплоть до XX в. Например, Леон Дюги, рассуждая о смысле свободы преподавания, подчеркивал: «Дитя живет в семье; родительская власть, хотя и значительно ослабленная, еще существует и будет существовать, пока сохранится семья и пока будет признаваема обязанность отца кормить и воспитывать своих детей. Настоящий вопрос заключается, следовательно, в том, *имеет ли право отец семейства поручить обучение своих детей тем учителям, какие ему угодны*. Может ли государство издавать законы, которые ограничили бы эту свободу выбора?»²³

²³ Дюги 1908: 795—796.

²⁴ См. Черных 1994: 611. Хотя в русском языке оно означало и «родовое владение», «вотчину» и «право родового владения» (Там же).

Слово «отчество» в разных языках означает «землю отцов»²⁴, под которыми понимаются прежде всего патриархи — главы родов. Ссылаясь на замечательного русского историка Сергея Соловьева, Лев Тихомиров отмечал: «Слово „князь“ по словопроизводству... значит старшина в роде, родоначальник, отец семейства»²⁵. Но «отчество» — это не совсем то, что мы называем «родиной», хотя в современном восприятии они стали синонимами. Со словом «родина» часто соединяется эпитет «мать», и вряд ли это случайность. Понятие «родина-мать», скорее всего, производно от «матери земли». Отсюда вовсе не вытекает, что тем самым должно обосновываться превосходство «крови» над «почвой». В противном случае «патриотизм» означал бы преданность «отцам-пра-родителям», и тогда многочисленные диаспоры в разных странах должны были бы хранить верность той земле, где обитали их «отцы», а не стране, гражданами которой они являются.

²⁵ Тихомиров 1998: 206.

Фома Аквинский писал: «Тот, кто царит в совершенной общности (как то: городе-государстве или провинции), автономастически называется царь; тот же, кто царит в доме, зовется не царем, а отцом семейства. Он, однако, имеет некоторое сходство с царем, из-за чего царей иногда именуют отцами народов»²⁶. Из аналогичного понимания исходила, в частности, и российская императрица Екатерина II, указывавшая в Начертании от 8 апреля 1768 г. «О приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения», что «подданные взирают на себя, как на семью, которой Государь есть отец»²⁷.

²⁶ Аквинский 1990: 236.

²⁷ Цит. по: Афанасьева 2015: 73.

В известной степени такому взгляду противостоит позиция Аристотеля, который, критикуя идею Сократа об общности жен, детей

и собственности в едином государстве, чисто логически доказывал, что *государство не может быть семьей*, а сама эта идея не только неосуществима, но и вредна: «Ясно, что государство при постоянно усиливающемуся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи — отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается бóльшим единством, нежели государство, а один человек, нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство»²⁸. Впрочем, Аквинат не вступал в спор с Аристотелем, тем более что тот был для него авторитетом. В отличие от Екатерины II, он не говорил о государстве как о семье, а лишь *уподоблял* власть царя власти отца семейства.

²⁸ Аристотель 2003: 337.

Конечно, коль скоро мы имеем дело с понятием «отец», образ семьи выглядит наиболее естественным. Особенно с учетом того, что монарху действительно свойственно выступать в роли «отца», который отвечает за своих подданных перед Богом. Но ведь и подданные в норме считают монарха «общим отцом». Корни такого восприятия не в природе общества, а, повторю, в природе самого человека. И только забвение Небесного отцовства привело к *переносу на человека* публичного «отцовства»²⁹.

²⁹ Вопреки, между прочим, предупреждению Христа: «и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Мф. 23:9).

Правда, в некоторых высказываниях мелькает напоминание о Божественном отцовстве. Но и оно выступает только основанием для «отцовства» монарха. Так, согласно Тихомирову, «любимое определение царской власти у митрополита Филарета»³⁰ — это сравнение с властью отеческой. Эта власть внедоговорная и восходит к законам самого Творца. „Как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало власти только в Боге“³¹. От Него же идет и власть царская. „Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства — царя самодержавного, по образу Своего непреходящего царствования — царя наследственного“³¹.

³⁰ Имеется в виду митрополит Московский Филарет (Дроздов).

³¹ Тихомиров 1998: 340.

Между тем апелляция к патриархальному отцу семейства или рода позволяла обосновывать право на деспотическую власть, ибо отец был «абсолютным монархом» в своем доме, причем справедливость его оценок определялась исключительно им самим. В дореспубликанском Риме, отмечал Теодор Моммзен, «отец семейства не только держал всех домашних в самом строгом повиновении, но также имел право и был обязан чинить над ними суд и расправу и по своему усмотрению подвергать их телесным наказаниям и смертной казни»³². А поскольку «элементами государства служили роды, основанные на семье», и «форма государственного устройства была как в частностях, так и в целом подражанием семейной»³³, царь «имел в общине совершенно такую же власть, какая принадлежала в доме отцу семейства, и подобно этому

³² Моммзен 1997: 63.

³³ Там же: 67.

³⁴ Там же: 68. последнему властвовал до конца своей жизни»³⁴. О такой логике «отцовства» писал и Алексеев: «Подданные древнего монарха не ограничивали его власти, не обладали по отношению к нему какими-либо „правами“. На них лежала только обязанность безусловного повиновения воле отца»³⁵.

³⁵ Алексеев 2003: 52.

³⁶ Локк 1988: 183.

В XVII в. некоторые авторы уже не ограничивались аналогией с отцом семейства, а пытались доказать, что «отцовство» монарха проистекает непосредственно от Адама, который, как утверждал, в частности, Роберт Филмер, был первым отцом и «обладал не просто властью, но властью монархической, поскольку он стал отцом непосредственно от Бога»³⁶. Замечу, что здесь имелось в виду не Небесное отцовство, а лишь сотворение Адама как первого отца. Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» в пух и прах разнес позицию своего современника, указав на присущие ей явные нелогичности и переноса. Локк категорически не соглашался с характеристикой монаршей власти как власти отцовской: «Если бы вся отцовская власть находилась в руках государя, то тогда подданный, естественно, не мог располагать никакой ее долей. Но эти две власти, политическая и отцовская, столь совершенно различны и раздельны, покоятся на столь различных основаниях и существуют для столь различных целей, что каждый подданный, если он является отцом, обладает такой же отеческой властью над своими детьми, как государь над своими. И каждый государь, имеющий родителей, обязан проявлять в отношении их такое же сыновнее почтение и повиновение, какое самый последний из его подданных проявляет в отношении своих родителей; и поэтому этот подданный не может обладать какой-либо частью или степенью такого рода власти, какую государь или должностное лицо обладают над своими подданными»³⁷.

³⁷ Там же: 302.

Локк вряд ли уделил бы так много внимания концепции Филмера, если бы речь шла только о происхождении монархии от отцовства Адама. Дело именно в том, что такой взгляд служил оправданием не просто неограниченной, но произвольной власти монарха над подданными, вплоть до распоряжения их собственностью и самой жизнью.

«Мы знаем, что Бог не оставил одного человека на милость другого, чтобы тот мог уморить его голодом, если бы захотел, — подчеркивал Локк. — Бог, господин и Отец всех, ни одному из своих детей не дал такой вот собственности в виде его особой доли богатств нашего мира, но предоставил такую, чтобы тот передал своему нуждающемуся брату право на излишек своего имущества, с тем чтобы последнему по справедливости не отказали в этом излишке, когда его неотложные нужды требуют этого. И поэтому ни один человек никогда не мог по справедливости обладать властью над жизнью другого на основе права собственности на землю или имущество, поскольку для любого состоятельного человека всегда будет грехом допустить, чтобы его брат погиб из-за того, что он не захотел предоставить ему помощь от своего изобилия»³⁸.

³⁸ Там же: 169.

**Творение
человека
как акт любви**

Помимо прочего, в этих словах высвечен водораздел между двумя апелляциями — к патриархальному отцу (праотцу) и Отцу Небесному. Если для патриархального отца главным является (и считается) беспрекословное подчинение, то для Отца Небесного само сотворение человека было актом *любви*, и потому Его отцовство пронизано этой любовью. Понимание этого в корне меняет (поменяло бы) отношение к понятию отцовства, ибо позволяет признать, что *в человеке заложена потребность не в хозяине, повелителе, но в любящем Отце*.

В разных книгах Священного Писания читаем: «Сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя, создал тебя и устроил тебя?»³⁹; «Только Ты — Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое: „Искупитель наш“»⁴⁰; «Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас?»⁴¹.

³⁹ Втор. 32: 6.

⁴⁰ Ис. 63: 16.

⁴¹ Мал. 2: 10.

В конце концов, лишь *свободный выбор* первых людей, нарушивших единственный запрет, предопределил смертность и земные страдания и этих людей, и нас — их потомков. Если бы Создатель относился к Своему главному творению как к игрушке, Он мог бы сразу умертвить непослушных и создать новых. Однако в качестве «санкции» были лишь изменены «коды земной жизни» человечества — биологический и социальный: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься. <...> И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»⁴².

⁴² Быт. 3: 16—19, 22.

Бог не только, как и обычный отец, не отрекается от сильно огорчивших Его детей, но и совершает немислимый для нашего сознания акт любви — во искупление приносит в жертву Своего Сына, то есть, по существу, Себя, ибо Сын — это одна из ипостасей Единого Бога. И делает это ради того, чтобы восстановить изначально дарованное человеку бессмертие.

Часто даже верующие люди адресуют упреки за свои личные или общественные несчастья Богу, тем самым сознательно или невольно представляя Его равнодушным или даже жестоким. Это совершенно не так, хотя бы потому, что у Бога принципиально иной «объем зрения». Но чтобы не погружаться в богословие, скажу лишь об одном удивительном, если рассматривать его в *юридической* плоскости, феномене.

Согласно апостолу Павлу, Христос есть «ходатай завета, который утвержден на лучших обетованиях. Ибо, если бы первый завет был без

недостатка, то не было бы нужды искать места другому. Но пророк, укоряя их, говорит: вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моим, и Я пренебрег их, говорит Господь. Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом»⁴³.

⁴³ Евр. 8: 6—10.

Таким образом, Творец ведет Себя совсем не как сторона гражданского договора, то есть не как субъект, защищающий собственные интересы, которому нет дела до мотивов контрагента. Логика тут именно Божественная. Через избранного Господом вождя — Моисея — с народом был заключен договор (Ветхий завет), но народ (сторона договора) не выполнил своих обязательств. С юридической точки зрения договор должен был бы быть расторгнут, а нарушившая обязательства сторона — подвергнута санкциям. Но Бог поступил иначе. Он, приняв ответственность на Себя, заключил с нарушителями другой договор (Новый завет), не только простив неисполнение предыдущего, но и отдав в залог верности обязательствам Своего Сына.

Существует множество других свидетельств потрясающих свойств Небесного отцовства, но остановлюсь лишь на замечательных словах митрополита Антония (Сурожского): «Меня поразило уважение и бережное отношение Бога к человеку; если люди иногда готовы друг друга затоптать в грязь, то Бог этого никогда не делает. В рассказе, например, о блудном сыне: блудный сын признает, что он согрешил перед небом, перед отцом, что он недостойн быть его сыном, он даже готов сказать: прими меня хоть наемником⁴⁴. Но если вы заметили, в Евангелии отец не дает ему сказать этой последней фразы, он ему дает договорить до „я недостойн называться твоим сыном“ и тут его перебивает, возвращая обратно в семью: принесите обувь, принесите кольцо, принесите одежду... Потому что недостойным сыном ты можешь быть, достойным слугой или рабом — никак, сыновство не снимается»⁴⁵.

⁴⁴ Лк. 15: 18—19.

⁴⁵ Антоний 2002: 258.

Небесному отцу не нужно утверждать Свою власть. Ее у Него никто не может отнять или ограничить. Ему нужна только любовь. Но Он не приказывает любить Его. Земным же «отцам народа» — вождям нужна как раз власть. Любовь масс им тоже нужна. Но только как *средство* подтверждения и укрепления своей власти.

Биолого-психологическое объяснение «отцовства»

Вряд ли, впрочем, можно вести речь о любви. Чувства, питаемые массой к вождю, — это скорее аффективное поклонение, смешанное с трепетом и страхом, о чем, собственно, и пишут исследователи психологии масс (Гюстав Лебон, Сципион Сигеле, Зигмунд Фрейд, Серж Московичи и др.).

Считается, что первым исследователем психологии масс был Лебон (Ле Бон). Однако, по словам Фрейда, «ни одно утверждение этого

автора не содержит ничего нового. Все, что он говорит отрицательного и дискредитирующего о проявлениях массовой души, так же определенно и так же враждебно говорили еще до него другие, и повторяется в том же духе с древнейших времен мыслителями, государственными деятелями и поэтами. Оба тезиса, содержащие наиболее важные взгляды Лебона, а именно о торможении коллективом интеллектуальной деятельности и о повышении в массе аффективности, были незадолго до того сформулированы Сигелем⁴⁶. Сам Фрейд предложил, если можно так выразиться, биолого-психологическое объяснение «отцовства» харизматического лидера.

⁴⁶ Фрейд 2017: 23.

Он писал о своем согласии с гипотезой Чарльза Дарвина, согласно которой в первобытной орде «неограниченно господствовал сильный самец»⁴⁷, обладавший собственной психологией «отца, возглавителя, вождя. Отдельные индивиды массы были так же связаны, как и сегодня, отец же первобытной орды был свободен. Его интеллектуальные акты были и в обособленности сильны и независимы, его воля не нуждалась в подтверждении волей других. Следовательно... его „Я“ было в малой степени связано либидозно, он не любил никого, кроме себя, а других лишь постольку, поскольку они служили его потребностям. <...> На заре истории человечества он был тем сверхчеловеком, которого Ницше ожидал лишь от будущего. <...> Жуткий, принудительный характер массообразования, проявляющийся в феноменах внушения, можно, значит, по праву объяснить его происхождением от первобытной орды. Вождь массы — все еще праотец, к которому все преисполнены страха; масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета; она, по выражению Лебона, жаждет подчинения»⁴⁸. То есть, по Фрейду, современная масса аналогична первобытной орде, для психологии которой характерно «исчезновение сознательной обособленной личности, ориентация мыслей и чувств в одинаковых с другими направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, склонность к немедленному выполнению внезапных намерений»⁴⁹.

⁴⁷ Там же: 79.

⁴⁸ Там же: 81, 86.

⁴⁹ Там же: 80.

Повторю: в природе человека заложен Небесный патернализм. И, отвергая эту черту своей природы, люди оказываются слабо защищены от соблазна призвать и признать патернализм государственный, олицетворяемый вождем, они становятся той самой массой, которая «страстно ищет авторитета». Это свойственно, кстати, отнюдь не только странам с неразвитой политической культурой и низкой ценностью индивидуальной свободы, но и обществам, давно живущим в условиях плюрализма, политической конкуренции и т.п. Помимо возросшей популярности в западных странах политиков-демагогов, называемых популистами, об этом свидетельствует и прямо высказываемая тоска по авторитарному лидеру. Так, согласно одному их недавних опросов, в четырех из пяти крупнейших стран ЕС (Франции, Великобритании, Италии и Испании) свыше двух третей граждан хотели бы иметь *сильного лидера*; более того, многие жители этих стран желают

⁵⁰ *Кто хочет 2017.*

«изменения правил» и готовы ради этого голосовать за «сильную руку» (во Франции таковых 80%)⁵⁰.

Понятно, что к мысли об «изменении правил» людей толкает общая неопределенность, стертость границ между пороком и нормой, терроризм, наплыв инокультурных мигрантов и т.д. Но показательно, что запрос поступает не на укрепление демократических институтов власти, а именно на «сильную руку». Так что это иллюзия, будто потребность в харизматическом лидере существует лишь в традиционных обществах. Она есть везде — только дремлет и просыпается в периоды неустойчивости, чаще всего связанные с появлением новых вызовов, которым элиты еще не знают, что противопоставить, или общественной фрагментации.

**За «сильной
рукой»
скрывается
«отец»**

Могут сказать, что речь идет на самом деле не об «отце нации», а просто о лидере авторитарного толка. Это так. Но есть два обстоятельства, которые позволяют считать, что в конечном счете об «отце».

Первое обстоятельство заключается в том, что, хотя между легитимацией правителя в качестве вождя (лидера) и «отца нации» есть различие, в реальности *оно стерто* — и не только в массовом, но и в экспертном сознании. Как утверждает, в частности, в монографии Геннадия Дегтева, «уже сегодня российская власть вновь столкнулась с проблемами, присущими именно президентской форме правления: глава государства воспринимается как „отец нации“, на него возлагается ответственность за все происходящее в стране, объем полномочий президента увеличивается, возникает опасность авторитаризма»⁵¹. Я бы лишь уточнил: восприятие президента как «отца» не порождает опасность авторитаризма, а является индикатором его наличия.

⁵¹ *Дегтев 2003:*
7—8.

Иллюстрацией неразличимости вождистского правления и «отцовства» может служить и выявляемый социологами образ «идеального президента», формирующийся в условиях режима личной власти. Так, в 2012 г. было зафиксировано, что, «по мнению большинства россиян, идеальный президент должен быть скорее мудрым политиком, „отцом нации“, нежели современным эффективным управленцем (59 и 35 % соответственно)». Примечательно, что еще в 2007 г. соотношение сторонников этих трактовок составляло 48 к 42⁵². На желание видеть в президенте «отца нации» указывает и проведенное примерно тогда же кросс-национальное исследование Валерии Касамары и Анны Сорокиной, сравнивших представления российских и французских студентов об «идеальном президенте». Так вот, во взглядах российских студентов (причем престижных вузов) обнаружилась, хотя и не столь отчетливо, как в воззрениях среднестатистических россиян, «мифологема о том, что президент — это „отец нации“, вездесущий правитель, защищающий граждан от беззакония, помогающий социально незащищенным слоям населения, поддерживающий порядок в стране»⁵³.

⁵² *Идеальный президент 2012.*

⁵³ *Касамара, Сорокина 2012: 14.*

Второе обстоятельство, собственно, обуславливает первое. По Максу Веберу, харизматический лидер — это человек, не обязательно имеющий харизму в древнегреческом смысле, но тот, кого *так воспринимает масса*: «Под „харизмой“ в данном изложении понимаются внеповседневные качества человека (независимо от того, действительные ли они, мнимые или предположительные). Под харизматическим авторитетом, следовательно, — господство (внешнего или внутреннего характера) над людьми, которые подчиняются ему вследствие веры в наличие этих качеств у определенного лица. К подобному типу обладателей харизмы относятся: колдун, пророк, предводитель на охоте, в походах за военной добычей, вождь, так называемый властелин „цезаристского“ типа, при известных обстоятельствах — глава партии. Легитимность их власти основана на вере в необычное, в свойства, превосходящие обычные, присущие людям качества, на ранней стадии воспринимаемые как сверхъестественные. Другими словами, на вере в магическую силу, в откровение или в героя, источником авторитета которого служит „подтверждение“ его харизматических качеств чудесами, победами и другими удачами — благополучием тех, кто ему подчиняется; как только эта способность не подтверждается и обладатель харизмы оказывается лишенным своей магической силы или своего бога, вера в него и основанный на этой вере авторитет исчезают или колеблются. Господство осуществляется не на основе общих традиций или рациональных норм, но в соответствии с конкретным откровением или вдохновением, и в этом смысле оно „иррационально“»⁵⁴.

⁵⁴ Вебер 1994: 68.

Таким образом, в отличие от монарха, харизматический лидер должен создать в обществе атмосферу поклонения себе, то есть превратить народ в массу. Но *почему народ превращается в массу?* В предисловии к книге «Век толп» Андрей Брушлинский справедливо критикует Московичи (думаю, эту критику можно отнести и к другим исследователям массовой психологии) за «психологический, внутриспихический детерминизм», за отрыв психики людей «от их истории, социально-экономической основы их жизни, от всей их бесконечно разнообразной деятельности (изначально практической) и т.д.»⁵⁵. Действительно, одной психологией невозможно объяснить, почему те или иные общества востребуют «сильную руку», а затем готовы видеть в персонификаторе «отца». Это происходит под воздействием совокупности факторов.

⁵⁵ См. Московичи 1996: 19.

О превращении народа в массу

Критически излагая идеи Лебона, Фрейд писал: «Хотя потребность массы идет вождю навстречу, он все же должен соответствовать этой потребности своими личными качествами. Он должен быть сам захвачен глубокой верой (в идею), чтобы пробудить эту веру в массе; он должен обладать сильной импонирующей волей, которую переймет от него безвольная масса»⁵⁶.

⁵⁶ Фрейд 2017: 21.

Согласно Лебону, «вожди становятся влиятельными благодаря тем идеям, к которым сами они относятся фанатически»⁵⁷. Такие вожди,

⁵⁷ Там же.

бесспорно, имеются. Но все же чаще встречаются те, для которых ведущей идеей является не их миссия, а сама власть. Впрочем, это не отрицает некоторой внутренней эволюции: для самооправдания авторитарный лидер придумывает себе миссию.

Авторитарный лидер не может не прибегать к *внушению*, о чем писали многие исследователи психологии масс. Понятно, что приемы внушения в разные времена, в разных культурах, в разных режимах отличаются друг от друга. Но очевидно одно: все зависит от самого лидера, от его целей, от того, хочет ли он создать культ своей личности или для него важнее его реальная миссия, как, например, для Дэн Сяопина или Ли Куан Ю.

Московичи предлагает такую версию формирования культа диктатора. В ее рамках основным «объектом» является умерший авторитет («отец»), которого обожествляют, разумеется, в рамках светской религии. И тогда «один из „братьев-заговорщиков“ отделяется от других, чтобы заменить „отца“ и воплотить в себе его харизму. Но в глазах народа они составляют единое целое: двух вождей, мертвого и живого, в одном лице»⁵⁸. В соответствии с данной схемой Сталин предстает у Московичи «узурпатором вдвойне: узурпатором своих „братьев“, или товарищей, и узурпатором Ленина, который хотел его отстранить от своего наследия»⁵⁹.

⁵⁸ Московичи 1996: 435.

⁵⁹ Там же: 443.

При том что советской пропагандой действительно был запущен лозунг «Сталин — это Ленин сегодня», сложно сказать, выглядела ли картина превращения Сталина в диктатора так, как рисовал ее Московичи. На мой взгляд, все было проще: Сталин действовал по древней схеме — устранял реальных и/или потенциальных конкурентов, а пропагандистский аппарат формировал образ «отца народа» безотносительно к Владимиру Ленину.

Вот интересная деталь. Формально высшим органом государственной власти в СССР с 1936 г. был Верховный Совет. Но поскольку он собирался на свои сессии только два раза в год на один-два дня, его замещал постоянно действующий орган — Президиум Верховного Совета СССР. Таким образом, хотя советское руководство не признавало самого понятия «глава государства», Президиум неофициально считался «коллегиальным главой государства». Казалось бы, роль «отца» должна была бы быть перенесена на председателя Президиума. Им с 1938 по 1946 г. был Михаил Калинин, до этого занимавший сначала должность председателя ВЦИК, а затем — одновременно — и председателя ЦИК СССР (после образования Советского Союза в союзный ЦИК входили председатели «циков» союзных республик). Но у Калинина не было никакой реальной власти, и потому он не мог соответствовать «отцовству». У него был другой пропагандистский «титл» — «всесоюзный *староста*» (до создания СССР — всероссийский). Однако «староста» по своему историческому смыслу — человек сам подневольный, пусть и привилегированный, и никак не «отец общины». В обиходную речь было запущено прозвище «*дедушка* Калинин».

⁶⁰ В семье выполненные жизненно важных функций берет на себя поколение зрелого возраста, а пожилые люди рассматриваются лишь как «хранители семейных традиций» (см. Aizenberg, Treas 1985: 169—186).

Тем самым через эмоциональную сферу в сознание внедрялся симбиоз двух патриархальных концепций: «государство = община» и «государство = семья». А образ «дедушки» призван был подчеркнуть периферийный, точнее, номинальный характер данной государственной должности, поскольку «кормильцем» и «защитником» выступает «отец»⁶⁰. Примечательно, что в сталинский период появилось и словосочетание «дедушка Ленин» (правда, предназначавшееся детям), хотя последний умер всего лишь на 54-м году жизни, да и по формальным критериям соответствовал скорее титулу «отец», так как провозглашался основателем советского государства.

Авторитарный лидер быстрее достигнет своей цели, если в обществе существует глубинное недоверие к государству. А оно обычно возникает, когда публичные институты перестают работать в том режиме, который от них ожидается. Николай Бердяев, возможно, был прав, когда вскоре после Октября 1917 г. писал о царе как о единственном институте, удерживавшем российскую государственность: «Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя не мыслил народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому. Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в груды мусора. Царь предотвращал атомизацию России, он сдерживал анархию. Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре. Или царь, или полная анархия — между этими полюсами колеблется мысль народная»⁶¹.

⁶¹ Бердяев 2010: 24—25.

Еще один фактор. Вожди протестных движений, восстаний, бунтов не могут считаться «отцами нации», пока и если не займут высшего места во властной иерархии. А вот лицо, уже причастное к высшей власти, воспринимается с определенной долей «сакральности». Откуда берется такое отношение, сказать трудно, но оно давно замечено и в художественной (вспомним хотя бы Петра Ивановича Бобчинского, почитавшего за счастье, если о его существовании узнает кто-нибудь при дворе), и в научной литературе.

Немецкий исследователь политической символики Филип Манов приводит несколько примеров подобного отношения. Он, в частности, цитирует одного французского депутата: «Вы будете смеяться, но, пока я не занял своего места в Национальном собрании, мне и в голову не приходило, что депутаты могут пойти отлить»⁶². Тем более многих охватывает священный трепет при непосредственном соприкосновении с первыми лицами.

⁶² Манов 2014: 154.

«Сегодня больных золотухой, — отмечает Манов, — уже не подводят для чудесного исцеления к харизматическому лидеру. Но слабые и больные, дети и нуждающиеся все еще могут надеяться на покровительство и исцеление, если только им удастся подойти поближе к правителю или

будущему правителю. И, веруя в „магию прикосновения“ сильных мира сего, они тем самым подтверждают харизму, легитимирующую положение во власти»⁶³. В качестве иллюстрации Манов описывает приезд будущего премьера Тони Блэра в Лондон после победы на выборах: «Возбужденный туповатый ведущий без конца повторял: „Тони Блэр едет! Он уже в пяти минутах отсюда! И вот Тони Блэр приехал, и тут взошло солнце“.

<...> Восход и заход французского Короля-Солнца, синхронизированные с движением светила, очевидно, сохранились до сегодняшнего дня»⁶⁴.

⁶³ Там же: 148.

⁶⁴ Там же: 148—149.

Показателем «священного» отношения к власти может быть даже ненависть к тому или иному лидеру. Низвержение этого лидера с мистического пьедестала при жизни или «плевки на могилу» после смерти суть проявления все того же восприятия правителя как «отца». Об этом — известные строки мудрого Александра Галича:

«Был, — сказал он, — Главный съезд
Славной нашей партии.
Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Гения».
Кум докушал огурец
И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою...»

Итак, при определенных условиях люди сами идут навстречу деспотии. В них просыпается жажда патернализма, но не Небесного. Такое бегство от социального сиротства издавна используется правителями для узурпации роли «отца». На внешнем уровне оно может проявляться как «бегство от свободы», диагностированное Эрихом Фроммом. Этот диагноз верен, но только если забыть, что Небесное отцовство свободе как раз не противоречит. Другое дело — если обществом требуется «отцовство» правителя. И в этом смысле Фромм был прав, не видя большой разницы между механизмами компенсации социального одиночества в тоталитарном и демократическом государствах. «Главные пути, по которым происходит бегство от свободы, — резюмировал он, — это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденная конформизация, преобладающая в нашей демократии»⁶⁵.

⁶⁵ Фромм 1989: 118.

Конечно, далеко не всегда массы признают «отцовство» правителя. Тот же Московичи отмечал, что «во многих странах Азии или Латинской Америки существуют неограниченные военные диктатуры, при том что массы не боготворят диктатора и не разделяют его убеждений»⁶⁶. Тем не менее объективно авторитарные лидеры стремятся к легитимации своей неограниченной и неотвечественной власти именно через «отцовство», пусть даже избирают для этого более «цивилизованные», на их взгляд, термины — «лидер нации», «глава народа» и т.п.

⁶⁶ Московичи 1996: 435.

Заключение

Повторю основную мысль: в социальной природе человека заложена потребность в патернализме. Корни этой потребности — в акте Божественного творения. Но с появлением первых общностей социальное отцовство было рецепировано главами патриархальных родов, что неудивительно, поскольку Небесное отцовство не действует автоматически и потому не воспринимается как реальное. С образованием государств роль «отцов» перешла к монархам и воспринималась подданными как естественная. Эта роль не только оправдывала неограниченную власть, но и возлагала на монарха ответственность за безопасность народа, соблюдение справедливых (для данного времени и данной культуры) правил. Монархи-тираны тоже считались «отцами нации», но их «отцовство» еще больше искажало Небесный образец (не случайно их часто считают не вполне монархами).

Республиканский институт президентства не требует «национального отцовства»; более того, подобная роль противоречит смыслу президентства как должности, временно (на ограниченный срок) замещаемой одним из граждан. Однако с появлением «монархизирующихся» президентов, различными способами продлевающих свое правление или вообще делающих его бессрочным, идея «отцовства» вновь оказалась востребована. И показательно, что при описании современных вождей социальные психологи оперируют прежде всего такими терминами, как «страх», «обожествление», «поклонение» и т.п. Маскировка «отцовской» роли менее *патриархальными* понятиями никого не должна вводить в заблуждение.

Я бы мог закончить эту статью выводом о том, что, раз уж существует неизбывная потребность в публичном «отцовстве», ее наименее опасно удовлетворить посредством конституционной монархии. Но, к сожалению, это будет нереалистично. Моя позиция сводится к изменению самой модели института главы государства. А вот какой должна быть эта модель — предмет отдельного разговора.

Библиография

- Алексеев** Н.Н. 2003. Христианство и идея монархии // Алексеев Н.Н. *Русский народ и государство*. — М.
- Антоний**, митрополит Сурожский. 2002. *Труды*. — М.
- Аристотель**. 2003. Политика // Платон. Аристотель. *Политика: Наука об управлении государством*. — М.
- Афанасьева** С.Д. 2015. *Конституционно-правовой институт изъятия земельных участков для публичных нужд: сравнительный анализ опыта Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки*. Дисс. на соискание уч. степени кандидата юридических наук. — М.
- Бергер** А. 2014. Сравнительно-правовой анализ действия конституционных прав и свобод человека и гражданина в частном праве Германии и России // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 1.
- Бердяев** Н.А. 2010. *Философия неравенства*. — М.

Вебер М. 1994. Хозяйственная этика мировых религий: Попытка сравнительного исследования в области социологии религии // Вебер М. *Избранное: Образ общества*. — М.

Всеобщая декларация прав человека. 1948 (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr).

Дегтев Г.В. 2003. *Конституционно-правовой статус Президентов Российской Федерации и США: Сравнительно-правовой анализ*. — М.

Дюги Л. 1908. *Конституционное право: Общая теория государства*. — М.

Иванян Э.А. (ред.) 2001. *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789—2001 гг.) с историческим комментарием*. — М.

Идеальный президент для России: «отец нации» — или современный управленец? 2012 // ВЦИОМ. *Пресс-выпуск № 2026* (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112784>).

Канторович Э.Х. 2015. *Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии*. — М.

Касамара В.А., Сорокина А.А. 2012. «Идеальный» президент глазами российских и французских студентов // *Общественные науки и современность*. № 1.

Краснов М.А. 2015. «Монархизация» президентской власти // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 5.

Кто хочет сильной руки? Многоскоростной союз. 2017 // *Euronews*. 6.02 (<http://ru.euronews.com/2017/02/06/the-brief-from-brussels-voter-survey-says-europeans-want-strong-leaders>).

Линц Х. 2006. Опасности президентской формы правления // Даль Р.А., Шапиро И., Чейбуб Х.А. (сост.) *Теория и практика демократии: Избранные тексты*. — М.

Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении // Локк Дж. *Сочинения: В 3-х т.* Т. 3. — М.

Манов Ф. 2014. *В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства*. — М.

Маркс против Гитлера: Интервью Е.Фанайловой с М.Доларом. 2014 // *Радио «Свобода»*. 24.12 (<http://www.svoboda.org/a/26754503.html>).

Мережковский Д.С. 1993. *Антихрист (Петр и Алексей)*. — М.

Моммзен Т. 1997. *История Рима*. — СПб.

Московичи С. 1996. *Век толп: Исторический трактат по психологии масс*. — М.

Православно-догматическое богословие Д.Б.Макария, Архиепископа Харьковского. 1868. Т. 1. — СПб.

Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 2008. — М.

Светоний Гай Транквилл. 1990. *Жизнь двенадцати цезарей*. — М.

Соловьев С.М. *Курс Новой истории* (<http://rushist.com/index.php/tutorials/soloviev-newtime/1076-7-3-lyudovik-xii-vo-frantsii>).

- Тихомиров Л.А.** 1998. *Монархическая государственность*. — М.
- Фома Аквинский.** 1990. О правлении государей // *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XVII вв.* — Л.
- Фрейд З.** 2017. *Массовая психология и анализ человеческого «Я»*. — СПб.
- Фромм Э.** 1989. *Бегство от свободы*. — М.
- Черных П.Я.** 1994. *Историко-этимологический словарь русского языка*. Т. 1. — М.
- Шаблинский И.Г.** 2012. *Политическое лидерство: Триумфы в публичной политике: в рамках права и вне их*. — М.
- Aizenberg R., Treas J.** 1985. The Family in Late Life: Psychosocial and Demographic Consideration // Birren J., Schaie K.W. (eds.) *Handbook of the Psychology of Aging*. — N.Y.

References

- Afanasyeva S.D.** 2015. *Konstitucionno-pravovoj institut izyatija zemel'nyh uchastkov dlja publichnyh nuzhd: sravnitel'nyj analiz opyta Rossijskoj Federacii i USA*. Diss. na soiskanie uch. stepeni kandidata juridicheskikh nauk. — М.
- Aizenberg R., Treas J.** 1985. The Family in Late Life: Psychosocial and Demographic Consideration // Birren J., Schaie K.W. (eds.) *Handbook of the Psychology of Aging*. — N.Y.
- Alekseev N.N.** 2003. Христианство и идея монархии // Alekseev N.N. *Russkij narod i gosudarstvo*. — М.
- Antonij**, mitropolit Surozhskij. 2002. *Trudy*. — М.
- Aristotle.** 2003. Политика // Plato. Aristotle. *Politika: Nauka ob upravlenii gosudarstvom*. — М.
- Berdyayev N.A.** 2010. *Filosofija neravenstva*. — М.
- Berger A.** 2014. Sravnitel'no-pravovoj analiz dejstvija konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v chastnom prave Germanii i Rossii // *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. № 1.
- Chernyh P.Y.** 1994. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. Т. 1. — М.
- Degtev G.V.** 2003. *Konstitucionno-pravovoj status Prezidentov Rossijskoj Federacii i SShA: Sravnitel'no-pravovoj analiz*. — М.
- Duguit L.** 1908. *Konstitucionnoe pravo: Obshhaja teorija gosudarstva*. — М.
- Freud S.** 2017. *Massovaja psihologija i analiz chelovecheskogo «Ja»*. — SPb.
- Fromm E.** 1989. *Begstvo ot svobody*. — М.
- Gaius Suetonius Tranquillus.** 1990. *Zhizn' dvenadcati cezarej*. — М.
- Ideal'nyj prezident dlja Rossii: «otec nacii» — ili sovremennyy upravlenec?** 2012 // VCIOM. *Press-vypusk № 2026* (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112784>).
- Ivanjan E.A.** (ed.) 2001. *Inauguracionnye rechi prezidentov SShA ot George Washington do George Bush (1789—2001 gg.) s istoricheskim komentariem*. — М.

- Kantorowicz** E.H. 2015. *Dva tela korolja: Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii*. — M.
- Kasamara** V.A., Sorokina A.A. 2012. «Ideal'nyj» prezident glazami rossijskih i francuzskih studentov // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 1.
- Krasnov** M.A. 2015. «Monarhizacija» prezidentskoj vlasti // *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. № 5.
- Kto hochet** sil'noj ruki? Mnogoskorostnoj sojuz. 2017 // *Euronews*. 6.02 (<http://ru.euronews.com/2017/02/06/the-brief-from-brussels-voter-survey-says-europeans-want-strong-leaders>).
- Linz** J. 2006. Opasnosti prezidentskoj formy pravlenija // Dahl R.A., Shapiro I., Cheibub J.A. (sost.) *Teorija i praktika demokratii: Izbrannye teksty*. — M.
- Locke** J. 1988. Dva traktata o pravlenii // Locke J. *Sochinenija: V 3-h t.* T. 3. — M.
- Manow** F. 2014. *V teni korolej: Politicheskaja anatomija demokraticheskogo predstavitel'stva*. — M.
- Marx** protiv Gitler'a: Interv'ju E.Fanajlovoj s M.Dolarom. 2014 // *Radio «Svoboda»*. 24.12 (<http://www.svoboda.org/a/26754503.html>).
- Merezhkovsky** D.S. 1993. *Antihrist (Petr i Aleksej)*. — M.
- Mommsen** Th. 1997. *Istorija Rima*. — SPb.
- Moscovici** S. 1996. *Vek tolp: Istoricheskij traktat po psihologii mass*. — M.
- Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie D.B.Makarija, Arhiepiskopa Har'kovskogo**. 1868. T. 1. — SPb.
- Prepodobnogo otca nashego avvy Dorofeja dushespositel'nye pouchenija s prisovukupleniem voprosov ego i ovetov na onye Varsanufija Velikogo i Ioanna Proroka**. 2008. — M.
- Shablinsky** I.G. 2012. *Politicheskoe liderstvo: Triumfy v publichnoj politike: v ramkah prava i vne ih*. — M.
- Soloviev** S.M. *Kurs Novoj istorii* (<http://rushist.com/index.php/tutorials/soloviev-newtime/1076-7-3-lyudovik-xii-vo-frantsii>).
- Thomas Aquinas**. 1990. O pravlenii gosudarej // *Politicheskie struktury jepohi feodalizma v Zapadnoj Evrope VI—XVII vv*. — L.
- Tihomirov** L.A. 1998. *Monarhicheskaja gosudarstvennost'*. — M.
- Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka**. 1948 (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr).
- Weber** M. 1994. Hozjajstvennaja etika mirovyh religij: Popytka sravnitel'nogo issledovanija v oblasti sociologii religii // Weber M. *Izbrannoe: Obraz obshhestva*. — M.